

Эмма БЕРСТАЛЛ

Эмма БЕРСТАЛЛ

МОИ ДОРОГИЕ
ДЕВОЧКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б51

Серия «Свет в океане»

Emma Burstall

THE DARLING GIRLS

Перевод с английского *О. Ляшенко*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Head of Zeus Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Берсталл, Эмма.

Б51   Мои дорогие девочки : [роман] / Эмма Берсталл ; [пер. с англ. О. Ляшенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-093263-4

Виктория двадцать лет имела все основания считать своего супруга, прославленного дирижера Леопольда Брука, вернейшим из мужей. И только его смерть открыла ей глаза на реальное положение вещей: «вернейший из мужей», как оказалось, был верен... не одной, а ТРЕМ женам.

Итак, они впервые встретились над гробом Лео — Виктория (стаж семейной жизни — 20 лет, двое детей), Мэдди (8 лет, один ребенок) и юная Кэт (прожила с Лео всего ничего, беременна).

Можно, конечно, вцепиться друг другу в волосы. Можно обратиться в суд и устроить скандал в прессе.

А можно просто познакомиться получше и вместе попытаться понять — что им теперь со всем этим делать?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Emma Burstall, 2013

© Перевод. О. Ляшенко, 2016

ISBN 978-5-17-093263-4   © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Три женщины, один мужчина и паутина лжи...

Лео было семьдесят восемь лет, но она не допускала даже мысли о его смерти — настолько выдающейся личностью он был. Все в нем впечатляло: и внешний вид, и манера общения. Лео излучал невероятную мощь и энергию, был из тех, кто сразу привлекает внимание в любой компании. Такие мужчины не могут просто взять и умереть. Что она будет без него делать?

*Моим крестным детям:
Хьюго Эллису, Хелен Пикок
и Миранде Смит*

ПРОЛОГ

Вена, декабрь 1938 года

— ПОТОРАПЛИВАЙСЯ, — шипит женщина.

— Но я не хочу!

Она хватает за руку маленького мальчика, своего сына, и тянет его за собой на улицу через парадную дверь, вниз по ступенькам к машине, которая их ожидает. Снег скрипит у него под ногами, он пару раз поскальзывается, но сохраняет равновесие.

Еще очень рано, обычно он встает позднее. Холодный серый свет только начинает освещать крыши и узкие проходы между домами. В руке мальчик сжимает кожаный чемоданчик. Мать объяснила, что в нем есть все, что ему понадобится: пижама, одежда на смену, теплые кофты. Разрешила взять с собой игрушечного медведя, но скрипку пришлось оставить.

— В Англии мы купим новую, — сказала мать.

Мальчик почти ничего не знает об Англии: король в короне, высокая башня с часами Биг-Бен и бесконечный дождь.

Сначала мать подсаживает его в такси, потом подает чемодан и сама забирается внутрь. Она в пушистой меховой накидке, которая пахнет нафталином и занимает почти половину заднего сиденья.

— Подождите меня! — Маленькая девочка сбегает по лестнице, пытаясь застегнуть пуговицы на красном пальто. За ней, накинув белую шаль поверх ночной рубашки, торопится молодая женщина.

— Пойдем домой! — зовет она девочку. — Иначе простудишься и умрешь!

Мать мальчика собирается захлопнуть дверцу такси.

— Подожди, — просит он, не понимая, что происходит. Пар, кольцами вырывающийся у него изо рта, похож на дым от сигарет, которые курил его отец. — Мы не можем уехать без Анны.

Мальчик наклоняется, чтобы помешать матери закрыть дверцу.

Анна вдруг заходится в хриплом кашле. Она согнулась по полам в таком сильном приступе, что, кажется, еще немного, и ее вывернет наизнанку. Женщина в ночной рубашке берет ее за плечи. Мать мальчика захлопывает дверцу.

— Нам нужно ехать!

Он все еще рвется наружу, его руки трясутся.

— А как же Анна? — кричит он, когда машина трогается с места.

Внезапно мальчик понимает: Анна не едет. Он отправляется в страну, которая называется Англия, без нее. Его сердце готово выпрыгнуть из груди — ах, если бы только он мог открыть окно и сбежать!

Если бы отец находился здесь, он не позволил бы этому случиться.

Мальчик встает на колени и смотрит в заднее стекло до тех пор, пока такси не поворачивает за угол. Ему почти ничего не видно — слезы катятся из глаз. Последнее, что остается в его памяти, — маленькая девочка, которая бежит по улице за машиной, раскрыв рот в немом крике и вытянув вперед руки. Полы ее красного пальто развеваются на ветру.

— Я вернусь за тобой! — кричит он, не зная, сможет ли она прочитать слова по губам.

— Садись! — требует мать и тянет его за рукав пальто. — И чтобы я больше не слышала об Анне.

Он подчиняется. Ему кажется, будто у него в груди, в самом центре, образуется черная дыра, и после этого он уже не произносит ни слова.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ КОНЦЕРТА

ГЛАВА 1

Лондон, среда, 9 декабря 2009 года

НЕУЖЕЛИ МУЖЧИНА в гробу из светлого дерева напротив нее — это он? Нет, невероятно! Ведь с того дня, когда они были вместе в постели, — разгоряченные потные тела переплетены, сердца колотятся с такой силой, что кажется, заглушают звуки второй Венгерской рапсодии Листа, которая звучит из CD-плеера, — прошло... Сколько же прошло? Всего около двух недель.

Он ведь был полон жизни. А подвело его сердце... Она сразу отбросила эту мысль, чтобы еще немного продлить счастливые воспоминания.

Потом он поцеловал ее в нос и в лоб и сказал, что она красивая. Кэт зажмурилась, стараясь не думать о том, что больше никогда не придет в его роскошную квартиру, чтобы заняться любовью так, как они обычно это делали: он играл на ее теле, словно это был один из его любимых музыкальных инструментов.

Неужели все кончено? Навсегда? Эта мысль причиняла невыносимую боль. Кэт достала мятый бумажный платок из кармана жакета и высморкалась. Нужно сконцентрироваться на том, что сейчас происходит, и постараться вести себя так, чтобы не привлекать внимание.

Кэт стояла в самом конце часовни. Она специально приехала поздно, старалась проскользнуть внутрь незамеченной. А это было непросто: у главного входа в здание крематория выставили двух полицейских, которые должны были следить

за тем, чтобы на церемонию не проник никто из посторонних.

«Вряд ли кто-либо попытается это сделать», — мысленно усмехнулась Кэт. Он ведь дирижер, а не поп-идол! Чтобы выглядеть соответствующе случаю, она купила в «Праймарк» дорогой черный костюм и туфли на высоких каблуках, вынула кольцо из носа и причесалась. Назвалась родственницей, и полицейский пропустил ее.

Кэт прислушалась: музыка звучала в записи. Как они могли! Лео предпочел бы слышать как минимум скрипичный квартет, а идеальным вариантом был бы целый оркестр. Но кто-то настоял, чтобы прощание прошло скромно, и не в ее положении было спорить с этим.

Кэт взглянула на расписание церемонии: звучал «Реквием» Моцарта в исполнении оркестра под руководством Лео. Что ж, это пришлось бы ему по вкусу. Однажды вечером они сидели рядом на удобном диване кремового цвета в квартире Лео и смотрели фильм о Моцарте — наверное, это был «Амадей». Лео часто говорил, что хочет восполнить пробелы в ее музыкальном образовании.

Фильм был длинный, и Кэт пару раз зевнула, чем по-настоящему разозлила Лео. «Не отвлекайся. Узнаешь хоть что-нибудь новое!» С ним она чувствовала себя шаловливым ребенком, но ей это даже нравилось. Лишь бы находиться рядом, пусть даже несколько часов, и чтобы в это время он принадлежал лишь ей одной.

Музыку приглушили, и вперед вышел священник. На гробе лежал всего один скромный букет белых лилий, но Кэт все равно чувствовала запах цветов. Хотелось разрыдаться, и она ненавидела себя за это. Кэт Мэнсон не плачет. Она изо всех сил пыталась держать себя в руках и пропустила речь, с которой отец Стивен обратился к присутствующим. А потом ей захотелось увидеть Викторию. Она поднялась на цыпочки и, вытянув шею, пыталась разглядеть в первом ряду женщину с двумя детьми, но не заметила. Кэт была маленького роста, а впереди находилось слишком много людей.

Интересно, здесь ли Мэдди и Фиби, ее дочка? Очевидно, что Виктория занимает почетное место в первом ряду, но пригласили ли Мэдди? Через два ряда впереди Кэт увидела роскошную блондинку, но очень высокую, гораздо выше Мэдди. Вот бы посмотреть сейчас на лица двух ее соперниц! Кэт хотела и одновременно страшилась этого.

Отец Стивен предоставил слово детям Лео, Ральфу и Саломее, и сердце Кэт сжалось. Она заворожено смотрела, как к аналою идет высокий худой юноша вместе со своей сестрой, которая была гораздо ниже его. Она никогда не встречалась с ними, но знала, что Ральфу семнадцать лет, а девочке только восемь. Месяц назад Лео упомянул про день рождения сына.

Ральф в темном костюме и узком черном галстуке старался выглядеть уверенно, но его опущенные плечи и нетвердая походка выдавали истинное состояние. И все это заметили. Саломея же в клетчатом черно-зеленом платье и лакированных туфлях, наоборот, казалась очень собранной. Светлые волосы были заплетены в две тугие толстые косы. Когда Ральф остановился, она встала рядом с ним, выпрямив спину и расправив юбку.

Ральф должен был читать двадцать первый псалом «Господь — пастырь мой...». Он открыл рот, но издал лишь хриплый стон. Кэт задержала дыхание — неужели он сейчас расплачется? Она чувствовала, что всем присутствующим стало неловко, и внезапно прониклась жалостью к этому юноше. Он ведь потерял отца! Но, к ее облегчению, Ральф откашлялся, и его голос зазвучал громко и отчетливо.

Голос оказался низким и очень выразительным, чего Кэт не ожидала. Трейси, наверное, назвала бы его высокомерным, но Кэт знала, что этот мальчик рос в самых обычных условиях. Он посещает государственную школу, как и она когда-то.

Пока Ральф читал, она постаралась разглядеть его. Однажды ей удалось уговорить Лео показать фотографию сына, и он достал снимок из портмоне. Но видеть Ральфа

живую — это совсем другое дело. Кэт хотелось как следует рассмотреть его: нос, глаза, рот, линия подбородка, выражение лица — она искала в нем черты того человека, которого любила.

Лицо Лео было испещрено морщинами, их было особенно много вокруг глаз и по углам рта, лоб бороздили глубокие складки. Кэт с трудом представляла, как он выглядел в молодости. Но Ральф явно унаследовал гены своего отца. У него было такое же волевое лицо: красивое и худое, с глубоко посаженными глазами. А вот нос у Ральфа меньше, и волосы гораздо светлее, чем у отца, — темного, почти жгучего брюнета с сединой на висках.

Закончив читать первую часть псалма, Ральф сделал шаг назад, чтобы уступить место Саломее. Девочка интересовала Кэт гораздо меньше, и она сдвинулась влево в сторону прохода. Теперь она видела спину женщины, которая, вероятно, была Викторией — два места рядом с ней сейчас пустовали. У нее были широкие крепкие плечи и копна кудрявых волос, собранная на затылке, — их буйство сдерживали заколки.

«Надо же, какая она седая!» — удивилась Кэт. Она часто рисовала эту женщину в своем воображении, представляя ее красивой и утонченной дамой в возрасте. А та, что сидела сейчас спиной к ней, выглядела старой и какой-то помятой.

Саломея закончила читать псалом, и они с Ральфом вернулись на свои места. Зазвучал гимн «Господь, ты пастырь мой», однако Кэт не присоединилась к общему хору. Боясь, что не сможет сдержаться и разрыдается, она лишь шевелила губами.

Конец службы прошел для нее как в тумане. Священник говорил очень долго, перечисляя все достижения Лео, его награды, неоценимый вклад в развитие музыки, место в истории и многое другое. Когда он упомянул Викторию, «спутницу жизни Лео в течение многих лет, мать его детей и его самого преданного и дорогого друга», Кэт наострила уши. Какая необычная характеристика этой женщины! О Мэди, любовнице Лео, и их общем ребенке не было ска-

зано ни слова. О Кэт, разумеется, тоже никто не упомянул, потому что они даже не догадывались о ее существовании.

«Он любил меня! — хотелось кричать Кэт. — Мы с ним лучше всех понимали друг друга!» Подобное признание дало бы этим горделивым придуркам, так называемым друзьям и подругам Лео, отличный повод для сплетен. Но она слишком любила Лео и не собиралась портить траурную церемонию.

Когда зазвучала сто пятьдесят шестая кантата Баха «Стою одной ногой в могиле», по щекам Кэт покатались слезы. Музыка была такой красивой и печальной, что она готова была стоять и слушать ее вечно. Но нужно идти.

Она выскользнула из дверей часовни, когда гости еще оставались на своих местах, и на секунду замерла на каменных ступенях, глядя на ровный зеленый газон и серые могильные камни, тянувшиеся до горизонта. Дул ветер — из тех, которые приносят с собой холод, пробирающий до костей. Тусклый солнечный свет совсем не давал тепла, и Кэт почувствовала, что замерзает в своем тонком костюме. Она задрожала. Что ж, все закончилось: несколько слов, одна-две короткие молитвы, немного музыки и печь крематория. Кэт, конечно, не верила ни в жизнь после смерти, ни во что иное. Конец — это конец.

Лео было семьдесят восемь лет, но она никогда и мысли не допускала о его смерти. Он был настолько выдающимся человеком, огромным — не по росту, а по масштабу яркой личности. Излучал невероятную мощь и энергию и был из тех, кто первым бросается в глаза в любой компании. Такие, как он, не умирают...

Что она будет делать без него? Кэт чувствовала себя очень одинокой! Стон, который она сдерживала в груди, пока шла служба, вырвался наружу. Кэт попыталась замаскировать его кашлем, но у нее перехватило горло. Не следует возвращаться домой в таком состоянии.

Она огляделась по сторонам и, заметив справа большое дерево, побежала к нему так быстро, насколько ей могли по-

зволить туфли на каблуках — совершенно непривычная для нее обувь, — и спряталась за ним. Услышала, что из часовни начали выходить люди: зазвенели детские голоса, захлопали двери, заурчали двигатели автомобилей.

Маленький мальчик в сером шерстяном пальто пробежал мимо нее с криком: «Не догонишь, не догонишь!» Кэт старалась стоять тихо, но он, видимо, все равно заметил ее, и, едва взглянув на нее, бросился назад с криком «Мама!».

Кэт опустилась вниз и, прижавшись спиной к твердому бугристому стволу, обхватила голову руками. Земля была холодной и влажной, рукава жакета уже промокли от слез, но Кэт было безразлично. Внезапно раздался чей-то голос, и она вздрогнула.

— С тобой все в порядке? — Кто-то осторожно трогал ее за плечо.

Кэт подняла голову и сквозь слезы увидела женщину средних лет с большими серыми глазами, которые светились добротой, хотя было очевидно, что она недавно плакала. В копне кудрявых волос блестела седина. Наверное, она пыталась собрать волосы на затылке, но получилось неаккуратно, и несколько выбившихся прядей падали ей на лицо. Она была в черном жакете, а в ушах покачивались серебряные серьги.

Кэт узнала Викторию и вздрогнула. Перед ней стояла женщина, которая в течение двадцати долгих лет являлась спутницей Лео. Она быстро поднялась с земли и кивнула, не поднимая головы. Чувствовала, что Виктория пристально разглядывает ее.

— Все хорошо, — пробормотала Кэт, вытирая слезы рукавом.

Она оказалась в неловком положении и чувствовала себя некомфортно. Попыталась пройти мимо Виктории, но та остановила ее.

— Ты ведь Кэт?

Сердце Кэт замерло.

— Все в порядке, — произнесла Виктория. Ее голос звучал устало. — Я многое о тебе знаю. Лео рассказал мне, у него не было от меня секретов.

У Кэт разболелась голова, она почувствовала, как пульс стучит в висках. Нужно было быстро что-то придумать.

— Неужели? — Она натянуто улыбнулась.

— Мне очень жаль, что это тебя расстроило. — Голос Виктории звучал так мягко, словно она успокаивала ребенка.

Кэт почувствовала, что ее оборона слабеет. Она не хотела смотреть на Викторию, но не смогла сдержаться. Кэт уже поняла, что эта женщина намерена выставить ее на посмешище. Странно, что огромные глаза Виктории, напротив, выражали приторное сочувствие. Кэт не могла больше этого выносить — так даже хуже, чем когда кричат или издеваются над тобой.

— Я уйду, — сообщила она и уже собиралась оттолкнуть Викторию, которая преграждала ей путь, но неожиданно осознала, насколько та высокая. Рост около шести футов, не меньше, широкая в кости.

Кэт почувствовала неожиданный прилив энергии и с вызовом посмотрела на Викторию. Если эта женщина хочет битвы — на словах или на кулаках, — она ее получит. «Я не такая высокая, зато крепкая, и сумею дать ей отпор».

— Прошу прощения, — произнесла она и расправила плечи.

Но Виктория, похоже, не уловила угрозы в голосе Кэт и не почувствовала исходящую от нее враждебность.

— Он был великим человеком, — тихо промолвила она, глядя куда-то вдаль. — Нам всем будет его не хватать. Она замолчала, а Кэт, продолжая сжимать кулаки, ждала продолжения. — Ты не хотела бы прийти на прием, который мы устраиваем? Ты ему нравилась. Думаю, будет правильно, если...

Лицо Кэт вспыхнуло:

— Нравилась? Он любил меня!

Виктория покачала головой, в ее глазах блеснули слезы.